

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY
URAL BRANCH
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

УРАЛЬСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
URAL HISTORICAL JOURNAL

№ 2 (83), 2024

Ural Historical Journal № 2 (83), 2024

Ekaterinburg

12+

Published since 1994 r.

ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceskij vestnik)

EAN-13: 9771728971668

Registered with the Federal Service for Supervision of Compliance with Mass Media Law and Cultural Heritage Protection

(ПИ № ФС77-26548, 2006, 10 November)

Russian Press Catalogue index — 72574

Academic publication of papers by the Russian and foreign historians, archaeologists and ethnologists. The publication covers research on the topical issues of the Russian history in the civilizational and geopolitical dynamics, theories and methods of historical and anthropological studies

Founder

Federal state budgetary institution of science

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Editor

Igor V. Poberezhnikov

Editorial board

Irek R. Atnagulov, Eugeniy T. Artemov (deputy editor), Igor L. Zherebtsov, Konstantin I. Zubkov, Vladimir A. Iljinykh, Gennady E. Kornilov, Ludmila N. Koryakova, Vadim S. Mosin, Eugeniy G. Neklyudov, Olga S. Porshneva, Dmitry A. Redin, Igor V. Silantev, Tatiana A. Snigireva, Elena K. Sozina, Andrei V. Speransky, Natalia V. Surzhikova, Dmitriy V. Timofeev, Natalia M. Chairkina, Alexander F. Shorin, Galina A. Yankovskaya

Secretary

Natalia A. Babenkova

Editorial council

Veniamin V. Alekseev (Russia), Leonid I. Borodkin (Russia), Andrei V. Golovnev (Russia), Zhang Guangxiang (China), Nikolai N. Kradin (Russia), Rudiger Krause (Germany), Vyacheslav I. Molodin (Russia), Hiroshi Okuda (Japan), Lorina P. Repina (Russia), Gyula Szvák (Hungary), Charles Stepanoff (France), Valery A. Tishkov (Russia)

Publisher and editorial office address

620108, Ekaterinburg, S. Kovalevskoy str., 16

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

uralhist.uran.ru

UI_vestnik@mail.ru

Уральский исторический вестник № 2 (83), 2024

Екатеринбург

12+

Выходит с 1994 г.

ISSN: 1728-9718 (Ural'skij istoriceskij vestnik)

EAN-13: 9771728971668

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-26548 от 10 ноября 2006 г.)

Индекс по интернет-каталогу «Пресса России» — 72574

Научное издание трудов российских и зарубежных историков, археологов и этнологов. Представляет актуальные проблемы истории России в цивилизационной и геополитической динамике, теории и методы исторического познания

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Главный редактор

чл.-корр. РАН, д.и.н. И. В. Побережников

Редакционная коллегия

д.и.н. И. Р. Атнагулов, д.и.н. Е. Т. Артёмов (зам. гл. ред.), д.и.н. И. Л. Жеребцов, к.и.н. К. И. Зубков, д.и.н. В. А. Ильиных, д.и.н. Г. Е. Корнилов, д.и.н. Л. Н. Корякова, д.и.н. В. С. Мосин, д.и.н. Е. Г. Неклюдов, д.и.н. О. С. Поршнева, д.и.н. Д. А. Редин, д.филол.н. И. В. Силантьев, д.филол.н. Т. А. Снигирева, д.филол.н. Е. К. Созина, д.и.н. А. В. Сперанский, д.и.н. Н. В. Суржикова, д.и.н. Д. В. Тимофеев, д.и.н. Н. М. Чаиркина, д.и.н. А. Ф. Шорин, д.и.н. Г. А. Янковская

Ответственный секретарь

Н. А. Бабенкова

Редакционный совет

акад. РАН В. В. Алексеев, чл.-корр. РАН Л. И. Бородкин, чл.-корр. РАН А. В. Головнёв, проф. Чжан Гуансян (Китай), чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, проф. Р. Краузе (Германия), акад. РАН В. И. Молодин, проф. Х. Окуда (Япония), чл.-корр. РАН Л. П. Репина, проф. Д. Свак (Венгрия), проф. Ш. Степановф (Франция), акад. РАН В. А. Тишков

Адрес издателя и редакции

620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

uralhist.uran.ru

UI_vestnik@mail.ru

CONTENTS

ETHNOGRAPHY AND ETHNIC HISTORY OF EASTERN EUROPE AND THE URALS

<i>V. V. Napol'skikh</i> . "Personal Tree" in Northern Eurasia and Traces of Merian Substrate in the Russians' Culture of the Kostroma Region	6
<i>V. S. Kuchko, O. D. Surikova</i> . <i>Babchestvo</i> in One Kostroma Area: Genesis and Current State	16
<i>E. L. Berezovich, Ya. V. Malkova</i> . "Tense" Sounds in Ritualism and Magic (Based on Materials of Cultural and Linguistic Tradition of Kostroma Region)	24
<i>E. O. Borisova</i> . Ethnonymic Nicknames in the Dialects of the Russian North	34
<i>E. E. Ivanova</i> . Ural Dialectal Names of People Mining for Gemstones	43
<i>V. V. Medvedev</i> . Ethnography of the Street among the Chuvash People of Bashkortostan	53
<i>I. R. Atnagulov</i> . The Nagaybaks' Traditional Nutrition System: A Structural Analysis	62

REGIONAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY IN RETROSPECTIVE

<i>G. N. Shumkin</i> . Ferrous Metallurgy of the Urals in the First Third of the 19 th Century: Crisis or Slow Growth?	71
<i>S. A. Salomatina</i> . Regional Financial Centers of the Russian Empire in the Second Half of the 19 th Century and the Early 20 th Century	82
<i>N. F. Tagirova</i> . The Scientific Research Institute of Agricultural Engineering and Agrarian Reconstruction in the USSR (1928–1932)	93
<i>N. N. Melnikov</i> . Ural-Kuzbass Coal and Metallurgical Base in the Conditions of the Great Patriotic War	102

RUSSIANS IN DIFFERENT ETHNIC ENVIRONMENT: PROBLEMS OF ADAPTATION

<i>B. A. Alimdzhanov</i> . Russians in Turkestan: Adapting to the Local Culture or Serving in the Name of Empire Building?	113
<i>S. G. Zhambalova</i> . "Karyms" — the Phenomenon of Interethnic Mixing Of Russians and Buryats in the Southeast of Eastern Siberia	121
<i>O. P. Ilyukha</i> . Russian Teacher in the Karelian Village in the Late 19 th — Early 20 th Century: Problems of Enculturation and Adaptation	129

ESTATES AND THEIR OWNERS: INTERWEAVING OF HISTORICAL FATES

<i>E. P. Pirogova</i> . Estates of Ural Factory Owners of the 18 th Century: Changes in Types and Architectural Appearance	138
<i>E. G. Neklyudov, M. I. Rodnov</i> . The Inheritance of Ivan Evdokimovich Demidov: Ufa Estate and Kaginsky Factories	146
<i>I. V. Maslova</i> . Merchant Estates as Part of the Cultural Space of the 19 th — early 20 th Century Provincial Town	157

HISTORICAL MOSAIC

<i>V. N. Shaidurov</i> . St. Petersburg's German Craftsmen in the 19 th Century: Corporate and Production Organization	165
<i>A. B. Agafonova</i> . Environmental and Social Consequences of Hydropower Development on the East European Plain in the First Third of the 20 th Century	174
<i>A. A. Bushueva</i> . Stories about the Death of Blasphemers in Diocesan Journals of the Late 19 th — Early 20 th Centuries in the Context of the History of Emotions	185

SCIENTIFIC LIFE

<i>K. I. Zubkov, I. V. Poberezhnikov</i> . Academician V. V. Alekseev — Researcher of Russia's Regional History	194
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И УРАЛА

<i>В. В. Напольских.</i> «Личное дерево» в Северной Евразии и следы мерянского субстрата в культуре русских Костромского края	6
<i>В. С. Кучко, О. Д. Сурикова.</i> Институт бабчества в одном костромском ареале: проблема генеза и современное состояние	16
<i>Е. Л. Березович, Я. В. Малькова.</i> «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области)	24
<i>Е. О. Борисова.</i> Отэтнонимические прозвища в говорах Русского Севера	34
<i>Е. Э. Иванова.</i> Наименования людей, добывающих самоцветы, в уральских говорах	43
<i>В. В. Медведев.</i> Этнография улицы у чувашей Башкортостана	53
<i>И. Р. Атнагулов.</i> Система традиционного питания нагайбаков: структурный анализ	62

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

<i>Г. Н. Шумкин.</i> Черная металлургия Урала в первой трети XIX в.: кризис или медленный рост?	71
<i>С. А. Саломатина.</i> Региональные финансовые центры Российской империи во второй половине XIX — начале XX века	82
<i>Н. Ф. Тагирова.</i> Вклад НИИ сельхозмашиностроения СССР в аграрное переустройство (1928–1932 гг.)	93
<i>Н. Н. Мельников.</i> Урало-Кузбасская угольно-металлургическая база в условиях Великой Отечественной войны	102

РУССКИЕ В ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

<i>Б. А. Алимджанов.</i> Русские в Туркестане: адаптация к местной культуре или служба во имя строительства империи?	113
<i>С. Г. Жамбалова.</i> Карымы — феномен межэтнической метисации русских и бурят на юго-востоке Восточной Сибири	121
<i>О. П. Илюха.</i> Русский учитель в карельской деревне в конце XIX — начале XX века: проблемы инкультурации и адаптации	129

УСАДЬБЫ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ: СПЛЕТЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ

<i>Е. П. Пирогова.</i> Усадьбы уральских заводладельцев XVIII в.: изменение типов и архитектурного облика	138
<i>Е. Г. Неклюдов, М. И. Роднов.</i> Наследство Ивана Евдокимовича Демидова: уфимская усадьба и Кагинские заводы	146
<i>И. В. Маслова.</i> Купеческие усадьбы как часть культурного пространства провинциального города XIX — начала XX в.	157

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

<i>В. Н. Шайдуров.</i> Немецкие ремесленники Санкт-Петербурга в XIX в.: корпоративная и производственная организация	165
<i>А. Б. Агафонова.</i> Экологические и социальные последствия развития гидроэнергетики на Восточно-Европейской равнине в первой трети XX в.	174
<i>А. А. Бушуева.</i> Повествования о смерти богохульников в епархиальных ведомостях конца XIX — начала XX века в контексте истории эмоций	185

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>К. И. Зубков, И. В. Побережников.</i> Академик В. В. Алексеев — исследователь региональной истории России	194
--	-----

И. В. Маслова

**КУПЕЧЕСКИЕ УСАДЬБЫ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА XIX — НАЧАЛА XX В.**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-157-164

УДК 94(470.41)“18/19” ББК 63.3(235.54)52

В статье представлены результаты изучения городских усадеб провинциального купечества на основе натурного обследования сохранившейся застройки Елабуги и анализа разнообразных источников. Усадебная форма застройки определяла тип городского пространства Елабуги с начала XIX в. до революционных потрясений 1917 г. По своему назначению купеческие усадьбы можно поделить на жилые и торгово-промышленные, что было во многом типично для торговых городов среднерусской полосы. В структуру купеческой усадьбы входили жилой дом, двор с дворовыми хозяйственными постройками (конюшни, сарай, ледник, хлев), баня, один или два флигеля, садово-огородный участок. Территориально усадьбы занимали участки размером 17–20 соток, расположенные по сторонам продольных улиц и вытянутые в глубину квартала. После большого городского пожара 1850 г. каждое усадебное домовладение ограждалось с двух (а в некоторых случаях с трех) сторон брандмауэрными стенами. Фасад дома с воротами выходил на красную линию улицы. Композиция усадебного дома определялась нормами регулярного градостроительства, местоположением, функциональным использованием территорий, размером и конфигурацией земельного участка, а также местным ландшафтом. Во второй половине XIX — начале XX в., когда Елабуга превратилась в крупный торговый центр, получил широкое распространение новый тип купеческой усадьбы, сочетавший жилую и торговую функции. На усадебной территории кроме жилых и хозяйственных строений размещались лавки и магазины, склады и лабазы. Тогда же купечество стало уделять значительное внимание функциональной стороне построек, их удобству, комфортабельности, освещению, вентиляции.

Ключевые слова: *Елабуга, XIX — начало XX в., городская усадьба, купечество, предпринимательство*

Актуализация вопросов сохранения и использования историко-культурного наследия, а также развитие внутреннего туризма вызвали появление многочисленных исследований усадеб и усадебной культуры в России XVIII — начала XX в. Среди этих работ можно выделить две группы: первая касалась изучения усадебной архитектуры и садово-паркового устройства, вторая — описания повседневного быта владельцев и постояльцев усадеб. Однако подавляющее большинство таких исследований относились к сельским дворянским и купеческим усадьбам.¹ С ростом городского строительства и увеличением разрыва между повседневностью жителей города и деревни произошло разделение усадеб на городские и сельские (загородные). Современные иссле-

дователи подразделяют городские усадьбы в зависимости от сословной и национальной принадлежности на дворянские, купеческие и мещанские.²

Обратим внимание и на типологические особенности городских усадеб в столичном регионе и в провинциальных городах. К началу XX в. в Москве и Петербурге на смену богатым городским усадьбам, определявшим облик городской среды в XVIII — первой половине XIX в., приходит довольно плотная застройка, включающая доходные дома. В то же время в провинциальных городах, особенно уездных, усадебный тип жилой застройки оставался основным вплоть до 1917 г. Это объясняется целым рядом факторов, характерных для малых городов: меньшей плотностью населения и замедленными темпами урбанизации, ментальными установками жителей и сохранением традиций натурального хозяйства.

Историко-архитектурное исследование городских купеческих усадеб, предпринятое в данной статье, основывается главным образом

¹ См., напр.: Летагин Л. Н. Русская усадьба: мир, миф, судьба // Русская усадьба. М., 1998. Вып. 4 (20). С. 253–259; Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000. СПб., 2008; Савинова Е. Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей. Конец XIX — начало XX в. М., 2008.

² См.: Вавилонская Т. В., Карасёв Ф. В. Типология городской усадьбы на примере города Самары // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2014. № 1 (14). С. 24.

на данных натурного обследования сохранившейся городской застройки уездного города Елабуги Вятской губернии XIX в. Крут использованных документальных источников включает генеральные планы города и «обывательские книги», хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО). Для изучения внутреннего устройства, интерьеров и условий проживания в усадьбах нами привлекались фотоматериалы и источники личного происхождения.

При характеристике понятия «городская купеческая усадьба» следует обратить внимание на то, какой категориально-понятийный аппарат используется в официальных документах и реестрах по сохранению памятников культурного наследия.³ Согласно «Сведениям из Единого государственного реестра объектов культурного наследия народов Российской Федерации по г. Елабуге и Елабужскому району», из 165 сохранившихся строений, имеющих отношение к лицам, занимавшимся торговым предпринимательством, только 13 обозначены как усадьба.⁴ В реестр в качестве отдельных объектов культурного наследия включены также строения, названные «жилой дом», «дом», «особняк», «магазин», «лавка», «контора», «флигель». Вместе с тем историческое исследование и натурное обследование показывает, что большинство объектов, поставленных на учет как отдельные памятники истории, во второй половине XIX в. входили в единый архитектурный ансамбль городских усадеб. В этой связи объектами исторического анализа в статье выбраны несколько сохранившихся городских купеческих усадеб, об истории и архитектуре которых удалось собрать наиболее полные и достоверные данные, что позволяет выявить их типологические черты. На примере избранных для анализа усадеб прослеживается влияние социального статуса и профессиональных занятий их владельцев на архитектуру и внутреннее устройство усадебного места. Несмотря на то что удобные для организации предпринимательской деятельности земельные участки в се-

редине XIX в. находились в собственности лиц, не занимавшихся торговой деятельностью, к концу XIX в. подавляющее их большинство переходит в собственность купцов, которые переобустраивают их под коммерческие нужды.

Исследователи отмечают, что городские усадьбы появляются в XVIII в., когда начинается регулярная застройка российских городов.⁵ С этого времени городское пространство рассматривалось как некий архитектурный ансамбль, создание которого подчинено определенным правилам.⁶ В последней четверти XVIII в. получило распространение регулярное строительство в провинциальных городах Российской империи, что было связано с реализацией реформы административно-территориального деления 1775 г.

Застройка Елабуги была неразрывно связана с социально-экономическим развитием города. Согласно генеральному плану Елабуги 1796 г., при проектировке города применялась прямоугольная сетка, равномерно разделенная на индивидуальные участки под застройку. Основным градообразующим элементом являлась река Тойма, вдоль которой строились церкви, отмеченные в генеральном плане как доминанты. Небольшой масштаб уездного города позволял согласовать план с рельефом местности. К началу XIX в. в городе было пять продольных (вдоль реки) и девять поперечных улиц, а также три торговых площади с лавками. Центральная часть города ближе всего подходила к берегу реки. Именно здесь располагались присутственные места, каменный Спасский собор, самая большая в городе торговая площадь.⁷

Дальнейшая застройка Елабуги, первоначально четко следовавшая плану, стала беспорядочно меняться в связи с ростом населения, развитием торговли и увеличением количества купцов, деятельность которых требовала строительства лавок, складов, амбаров. Поэтому в 1846 г. был утвержден новый генеральный план города, целью которого была регламентация беспорядочного городского строительства.⁸ К этому времени город разросся в западную и северную стороны, а семь продольных и 11 поперечных улиц делили его территорию на 59 примерно равновеликих

³ См.: Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Казань, 1999.

⁴ См.: Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации по г. Елабуге и Елабужскому району (по состоянию на 01.01.2019). URL: <http://elabuga.com/heritageMonitoring/listObjectsOfCulturalHeritage.html> (дата обращения: 17.11.2023).

⁵ См.: Вавилонская Т. В., Карасев Ф. В. Указ. соч. С. 24–30.

⁶ См.: Никулина Е. Г. Развитие понятия о городской усадьбе как определяющем типе застройки Москвы // Русская усадьба. М., 1997. Вып. 3 (19). С. 12–23.

⁷ См.: Генеральная карта Вятской губернии [Карты]. Вятка, 1806. 1 л.

⁸ См.: РГИА. Ф. 1289. Оп. 15. Д. 73. Л. 1.

кварталов.⁹ В первой половине XIX в. 90 % жилой застройки города составляли деревянные дома. Тогда же проявилась такая ключевая особенность градостроительной среды Елабуги, как зонирование застройки по сословной принадлежности и типам занятий горожан. Причем в купеческих кварталах 54 % торговых лавок были выстроены уже из камня, чтобы оградить товары от грабежа и пожаров.¹⁰

Но застройка купеческой Елабуги первой половины XIX в. была утрачена в результате большого пожара 1850 г., когда почти полностью выгорело 19 кварталов. Этот год стал своеобразным рубежом в архитектурной истории Елабуги, ускорив массовое кирпичное строительство на главных торговых улицах и площадях. Еще одним стимулом бурного роста города стали реформы 1860–1870-х гг., ускорившие урбанизацию и рост городского населения.

Во второй половине XIX в. центральные кварталы города стали активно застраиваться купеческими домами и усадьбами, магазинами и лавками. Факторами, влиявшими на архитектурные решения уличной застройки, стали тогда, помимо природного ландшафта, градостроительные правила, функциональное назначение и конструктивные особенности проектируемых зданий.

В зависимости от планировочного решения городские усадьбы елабужского купечества делились: 1) на усадьбы периметральной застройки, когда земельный участок находился на пересечении улиц и застройка осуществлялась по двум границам участка, выходящим на эти улицы; 2) усадьбы с однорядной застройкой участка, при которой и жилой дом, и торгово-промышленные заведения располагались по одной из границ участка; 3) усадьбы с двухрядной застройкой, характерные для участков, расположенных по сторонам продольных улиц, вытянутых в глубину квартала. По своему назначению городские усадьбы можно разделить на жилые и торгово-промышленные, включающие, помимо жилого дома, магазины, лавки, склады и другие хозяйственные помещения.

Размеры земельных участков, выделяемых под жилую застройку Елабуги, составляли 17–20 соток. Участки нарезались по принципу соблюдения красной линии уличной застройки: размер землевладения по линии улицы состав-

лял 12 саженей (25 м), а в глубину квартала — 30–40 саженей (70–85 м). Фасад дома должен был выходить на красную линию улицы, отделявшую ее от границы участка, а все хозяйственные постройки «скрывались» в глубине участка.

Протянувшаяся вдоль реки Тоймы самая престижная улица Набережная состояла всего из пяти кварталов и отличалась низкой плотностью застройки: здесь поочередно на небольшом расстоянии друг от друга располагались жилые дома, административные здания, храмы. В качестве объектов анализа на этой улице нами выбраны две купеческие усадьбы — купца второй гильдии И. В. Шишкина и потомственной почетной гражданки Г. Ф. Стахеевой.

Возведение собственной усадьбы Иван Васильевич Шишкин начал после того, как в результате раздела с братьями в 1832 г. ему досталось «пустопорожнее» место по улице Набережной. «Василию досталось место угольное на Покровской, к площади, — вспоминал купец, — а мне среднее, к Ушковскому дому, на котором и выстроил каменный дом, начально с мезонином, а после пожару выклат второй этаж, в котором доме и проживаем с 1836 г.»¹¹ Позднее к дому была пристроена боковая лестница с деревянной верандой на втором этаже. Земельный участок, на котором располагалась усадьба, ограничивался двумя продольными улицами — Набережной и Большой Покровской. Купеческий особняк выходил фасадом на Набережную, а хозяйственные помещения строились по линии Покровской, где в 1842 г. располагались каменный одноэтажный склад и торговая лавка. В этом доме прошло детство сына Ивана Васильевича, великого русского пейзажиста И. И. Шишкина. С 1937 г. по настоящее время в усадьбе расположен Дом-музей художника. Проведенная научными сотрудниками музея реконструкция интерьеров дома позволила воспроизвести облик усадьбы провинциального купца второй гильдии.

Внутри дом был разделен стеной на две половины: южную (господскую) и северную, где располагались вспомогательные помещения. Первый этаж господской половины представлял собой парадную анфиладу из трех комнат, где находились большая и малая гостиные, а также кабинет хозяина. В северной половине дома располагались передняя, столовая и буфетная. На втором этаже размещались спальни И. И. Шишкина и его сестер. На сохранив-

⁹ См.: Там же. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 691. Л. 22.

¹⁰ См.: ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 178. Л. 107–108; Памятная книжка Вятской губернии на 1857 г. Вятка, 1857. С. 172–173.

¹¹ Жизнь Елабужского купца Ивана Васильевича Шишкина, написанная им самим в 1867 г. Елабуга, 2007. С. 49.

Фото 1. Господский дом в усадьбе Г. Ф. Стахеевой в Елабуге. Фото И. В. Масловой 2017 г.

Фото 2. Казанская улица в Елабуге. Фото конец XIX в.

шемся рисунке художника «Вид комнаты в Елабуге» изображена большая деревянная кровать, комод, стул, шкаф для одежды, икона в красном углу.

В состав усадьбы входил сад, расположенный напротив дома на надпойменной террасе. В саду росли яблони, кусты малины, смородины, вишни, жасмин, розы. И. И. Шишкин в своих письмах родителям с теплотой вспоминал этот сад и уютную обстановку родительского дома: «Писавши Елабугу, я мысленно переносился туда — сколько впечатлений всяких и воспоминаний. А все-таки очень приятно было писать, в особенности дом и наш сад... так вот и кажется, что у окна большой спальни сидит маменька, тогда как, бывало, идешь вечерком понизу из гор, за ней видишь кого-то, это, верно, Катенька или кто-нибудь из сестриц».¹² Гостиная дома Шишкиных часто становилась местом проведения общественных приемов, в которых в разное время принимали участие художники К. Гун, И. Осокин, братья Верещагины, кавалерист-девица Н. А. Дурова, именитые елабужские купцы. В целом усадьба Шишкиных представляла характерный тип жилой застройки небогатого провинциального купечества.

Другая хорошо сохранившаяся усадьба Стахеевых дает возможность представить образ жизни богатейших елабужских купцов. Очень удобный земельный участок на углу улиц Набережной и Средней первоначально принадлежал мещанину П. Котельникову, который в 1842 г. продал его купцу третьей гильдии Г. И. Стахееву.¹³ Наследники купца Иван и Василий продолжили семейное коммерческое

дело и в 1865 г. учредили торговый дом «Григория Стахеева сыновья». Он занял прочные позиции среди крупных предпринимателей Волго-Камского региона, что позволило братьям записаться в первую гильдию, а в 1889 г. получить звание потомственных почетных граждан.

Получив в наследство от отца усадьбу, братья купили соседний участок по улице Средней, вдвое увеличив размеры первоначального домовладения. В 1870 г., разрушив старые постройки, они начали строительство нового кирпичного дома. Главный фасад этого двухэтажного здания выходил на Набережную, а с торцевой стороны дом дополнялся антресолю — верхним встроенным полуэтажом. Подобные архитектурные решения были довольно характерными для усадеб богатых елабужских купцов. Угловое расположение дома определило наличие двух фасадов: на южном фасаде (который считался главным) по линии улицы Набережной находилось семь оконных осей, на восточном фасаде по линии Средней улицы — шесть. В целом дом был оформлен в стиле сдержанной эклектики, что соответствовало общему архитектурному стилю соседних строений: слева — зданию присутственных мест, справа — зданию почтовой станции.

С фасадных сторон усадьба была обнесена каменной оградой, с двух внутренних сторон — выстроены высокие брандмауэрные стены из красного кирпича. К каждому из фасадов примыкали въездные группы в виде воротных проездов. При этом юго-западные ворота, считавшиеся парадными, сохранились лишь частично. Полностью сохранились ворота только со стороны Средней улицы. Они выполнены в виде трех въездных проездов — двух малых и одного большого, с рустованной луковой аркой. На большом приусадебном участке распо-

¹² И. И. Шишкин — И. В. Шишкину и Д. Р. Шишкиной. Москва. 14 января 1856 г. // Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. Л., 1984. С. 35.

¹³ См.: ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 250. Л. 28об.-29.

Фото 3. Усадьба И. В. Шишкина в Елабуге.
Фото Л. Е. Пахомовой. 2012 г.

Фото 4. Купеческая усадьба в Елабуге (ул. Гассара, 6).
Фото Л. Е. Пахомовой. 2012 г.

лагались хозяйственные постройки: конюшни, каретник, деревянный и каменный хозяйственные комплексы, амбар и погреб с ледником.

После раздела капиталов торгового дома усадьба на Набережной перешла во владение Василия Григорьевича Стахеева, а после его смерти в 1896 г. — его вдовы Глафиры Федоровны. Общая площадь дома составляла около 658 кв. м, что подтверждается и современными кадастровыми актами.¹⁴

Внутренняя планировка была типична для купеческих домов: длинный коридор делил первый этаж на две зоны — жилую и подсобную. На первом этаже вдоль лицевого фасада располагалась большая (107 кв. м) гостиная. Стахеевы, как самые состоятельные купцы не только в Елабуге, но и в Прикамье, устраивали общественные обеды, для проведения которых как нельзя лучше подходила такая просторная комната. Например, в 1902 г. в честь сорокалетия священника Никольской церкви по инициативе Г. Ф. Стахеевой в ее доме был устроен торжественный обед.¹⁵ На втором этаже располагалась три комнаты: с правой стороны угловой шестиоконный зал с изолированным входом и две смежные комнаты, одна из которых заканчивалась выходом на балкончик бокового фасада. Можно предположить, что в изолированной комнате находился кабинет хозяев дома, а две смежные служили спальнями.

Купеческие дома отапливались печами-голландками, которые представляли собой довольно легкую конструкцию и могли располагаться на всех этажах. Принцип их работы заключался в том, что искусственно удлиненные дымо-

вые каналы служили для сильного нагрева печи без большого количества дров. Кроме того, установленные в разных комнатах и даже на разных этажах печи соединялись между собой сложной системой воздухопроводов, что позволяло одновременно отапливать довольно большую площадь. Снаружи печь, как правило, облицовывали изразцами не только для того, чтобы придать ей эстетичный вид, но и для большей теплоемкости. «Изразцовая рубашка» препятствовала быстрому остыванию печи.

На втором этаже в хозяйственной половине дома Стахеевых сохранилась единственная изразцовая печь в 3,5 кв. м в основании и высотой до потолка. Она была облицована довольно скромной гладкой бело-голубой плиткой. Вероятно, в жилой части дома печи украшались более дорогими изразцами. Подтверждением этому могут служить сохранившиеся печи в здании конторы В. Г. Стахеева (ул. Большая Покровская, д. 25, 25а), расположенной рядом с усадьбой. Там они украшены рельефно-расписными изразцами от белоснежного с отделкой сусальным золотом до темно-коричневого цвета. Такая многоцветная печная плитка получила название «ценные изразцы». Для их росписи применялись поливы пяти основных цветов: белого, желтого, коричневого, синего и зеленого. Такие изразцы обычно имели рельефные изображения в виде узоров из листьев, цветов и плодов с переплетающимися стеблями.¹⁶

С северной стороны дома Стахеевых был сделан пристрой для сеней с наружной лестницей. Отсюда можно было попасть в подсобные помещения и подняться до антресоли с невысокими потолками. В хозяйственную часть дома были

¹⁴ Свидетельство о государственной регистрации права № 16-16-20/018/2023-354. От 31 июня 2013 г.

¹⁵ См.: Два юбилея в Елабуге // Вятские епархиальные ведомости. 1902. № 2. С. 100.

¹⁶ См.: Доманский В. Русские изразцы. Национальные и европейские традиции // Декоративное искусство. 2016. № 1 (421). С. 37.

вынесены все лестничные пролеты, коридоры-переходы, здесь располагались столовая, кухня, пекарня, комнаты для прислуги и белошвеек, кладовые и пр. Несмотря на то что Г. Ф. Стахеева вела довольно уединенный образ жизни, в штате ее домашней прислуги числились дворецкий, повар, горничная, служанка, несколько домработниц, кучера и конюхи.

Известно, что хозяйка городской усадьбы каждое утро к семи часам отправлялась в двухместной закрытой карете на утреннюю службу в Никольскую церковь, которая располагалась в пяти минутах ходьбы от усадьбы по той же улице. После смерти мужа в огромном доме Глафира Федоровна занимала маленькую комнату, больше похожую на монашескую келью. По воспоминаниям ее внучки, Татьяны Карсон, там «находились железная кровать, киот, всегда горящая лампада, множество икон и фотографий нашего дедушки на смертном ложе».¹⁷

Сын купчихи Федор Васильевич Стахеев в 1902 г. построил в Елабуге электростанцию, и искусственное освещение было проведено в дома купцов на центральных улицах города, в том числе в усадьбу на Набережной.¹⁸ Продолжая внедрять инженерно-технические новинки в провинции, он в 1906 г. телефонизировал родной город.¹⁹ В фондах Музея Елабужского купечества хранится «телефонная книга» — рукописный листок с записью около ста абонентов, среди которых указана и Г. Ф. Стахеева.²⁰

Интерьеры купеческой усадьбы можно представить благодаря картине В. П. Верещагина «Комната дома в Елабуге» (1854 г.) из Русского музея. Василий Верещагин и Карл Гун, друзья Ивана Шишкина, были приглашены для росписи храмов в 1862–1863 гг., когда один из Стахеевых, Иван Иванович, был городским головой.²¹

Художник запечатлел две большие смежные комнаты дома Стахеевых. Высокие потолки с отделкой потолочным плинтусом в сочетании с огромными окнами наполняли комнаты светом и воздухом. Наборный паркетный пол из двух пород дерева по цветовой гамме сочетался с покраской стен одной из комнат. Высокие двустворчатые двери с наборными филенками, украшенные бронзовыми ручками, распахнуты и благодаря ширине дверного проема и отсут-

ствию порога как бы объединяют две комнаты в большой зал. Визуально этот эффект поддерживает и рисунок паркета, единый для двух комнат. Киот с иконой в красном углу, минимальное количество мебели — простой лакированный стол и стулья — свидетельствует о том, что комнаты-зал использовались для приема гостей. Традиционно гостиные назывались по цвету стен или обивке мебели. Можно предположить, что вторая комната, изображенная художником, именовалась синей по цвету стен и обивки стульев. Для освещения комнаты в темное время суток использовались настенные керосиновые фонари («стенники») и канделябры на три свечи. Украшением комнат были цветы в вазах, стоявших на полу и подоконнике. Деревянные шпалерные решетки для вьющихся растений покрывали большую часть окон.

Если жилые дома купеческих усадеб на территории современной Елабуги сохранились почти полностью, то дворовые и хозяйственные постройки в большинстве своем были разобраны в советское время. Такие строения не всегда отражались и на проектных чертежах. Но их описание встречается в описях имущества усадеб, составлявшихся, в частности, когда их владельцы объявлялись несостоятельными должниками. Именно такой случай произошел с усадьбой купца Новикова, расположенной на улице Покровской (Большая Покровская, 12).

Жилой дом на усадебном участке был построен в начале XIX в. «мещанской женой» А. Г. Шабалиной. В 1841 г. дом приобрели елабужские купцы братья В. П. и Е. П. Новиковы. В 1850 г. старший брат выкупил долю младшего и стал единственным владельцем усадьбы. В 1860-е гг. рядом был возведен комплекс зданий Гостиного двора, что повысило значение этого места с коммерческой точки зрения и вызвало перестройку усадьбы. К 1901 г., когда владельцем усадьбы был Василий Васильевич Новиков, на земельном участке размером 30 × 31 сажень, помимо жилого дома, расположились многочисленные хозяйственные постройки и дворовые службы. Фасад каменного, оштукатуренного двухэтажного дома был оформлен карнизом с консолями и лопатками, которые объединяли оба яруса. На главном фасаде была выделена парадная центральная часть с балконом и двумя окнами по бокам. Этот дом с двумя большими подвалами полностью сохранился. На первом этаже дом делился на две части: в одной располагался магазин с четырьмя дверями-растворами и двумя окнами, в другой — кухня и две комнаты для служащих. Второй этаж

¹⁷ Карсон Т. Воспоминания о русской семье. Краснодар, 2009. С. 40.

¹⁸ См.: ЦГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3547. Л. 481.

¹⁹ См.: Телефонизация // Елабужские вести. 1906. 2 апр.

²⁰ См.: Музей елабужского купечества. МЕК ЕИ ГИК Д-19.

²¹ См.: Курьлева Н. Карл Гун и Василий Верещагин в Елабуге // Карл Гун. Художник и этнограф. Елабуга, 2023. С. 195.

включал пять жилых комнат и две больших передних. Передние комнаты были характерны для купеческих особняков. Они представляли собой нежилое помещение, своеобразный холл, в котором можно было оставить верхнюю одежду и подождать приглашения в гостиную.

К основному дому слева примыкала каменная палатка длиной 10,5 м. Во внутреннем дворе располагались небольшой (36 кв. м) деревянный флигель, крытый железом, и узкая (шириной 4 м) деревянная хозяйственная постройка (длиной более 40 м), которая под единой железной крышей объединяла конюшню, четыре амбара, каретник и погреб. Отдельно стоящее деревянное строение использовалось под погреб-ледник. Лед обычно заготавливали ранней весной на Каме, где выпиливали огромные ледяные блоки «кабаны», которые укладывали в глубокий погреб. На этой ледяной «подушке» хранили продукты до июля. Хозяин усадьбы выстроил также банный комплекс, состоявший из двух деревянных строений — бани и прачечной. Конкурсное управление по делам несостоятельного должника В. В. Новикова оценило усадьбу в 8 100 руб.²²

Еще одним примером домовладения с постройками для организации предпринимательской деятельности может служить купеческая усадьба, расположенная на пересечении улиц Казанской и Полевой (современная ул. Гассара). Первым владельцем участка, на котором был построен деревянный дом, был титулярный советник Томилов. Затем участок поочередно принадлежал купцу Ф. Г. Чернову, коллежской секретарше Н. Коробовой и еще нескольким владельцам. После пожара 1850 г. на участке возвели кирпичные строения. Территория была удобной для коммерческой деятельности, поскольку примыкала к бойкому торговому месту. Участок не только протяженной северной стороной выходил на главную торговую артерию города — Казанскую улицу, но и располагался на углу Хлебной торговой площади. Поэтому по красной линии Казанской улицы были построены длинные каменные одноэтажные складские помещения для оптовой торговли хлебом, имевшие въезд со стороны поперечной Полевой улицы. С западной стороны склады уходили в глубь участка почти на 40 м.

Пятиоконный фасад жилого дома выходил вдоль восточной стороны участка на менее

загруженную транспортными потоками улицу Полевую. Но, чтобы защитить обитателей усадьбы от шума и суеты торговой площади, одноэтажный на полуподвале, с антресолями дом был вытянут вглубь участка и огражден высоким кирпичным забором. В результате такого архитектурного решения получалось, что шесть окон жилой части дома и балкон выходили в сад, разбитый вдоль южной стороны усадебного участка. К боковому северному фасаду были пристроены закрытое крыльцо и лестница для прислуги, ведущая на антресоли. На полуподвальном этаже располагались хозяйственные службы.

Таким образом, на протяжении XIX — начала XX в. застройка Елабуги состояла из различных усадебных комплексов, принадлежавших жителям города. Доминантами застройки, особенно центра торгового города, стали и до сих пор остаются усадьбы богатого елабужского купечества. В отличие от столичных и губернских городов усадебная форма застройки определяла тип городского пространства Елабуги вплоть до революционных потрясений 1917 г. И даже советский период истории, существенно изменивший облик многих российских провинциальных городов, не особенно отразился на архитектурном облике центральной части Елабуги. Там до сих пор сохранились как фрагменты бывших купеческих усадеб, так и цельные усадебные комплексы.

Жилые усадьбы самых состоятельных жителей города располагались на улицах Набережной и Покровской, где плотность застройки была невысокой. На главной торговой улице города — Казанской — купеческие особняки располагались близко друг к другу и разделялись зданиями магазинов, лавок и закупочных контор. Но при этом усадебный тип строений сохранялся за счет протяженности земельного участка вглубь квартала.

В структуру городской купеческой усадьбы входили жилой дом, двор с хозяйственными постройками (конюшни, сараи, ледник, хлев), баня, один или два флигеля, садово-огородный участок. Усадьбы занимали участки по сторонам продольных улиц и были вытянуты в глубину квартала. После большого пожара 1850 г. каждое усадебное домовладение ограждалось с двух сторон брандмауэрными стенами. Фасад дома с воротами выходил на красную линию улицы. Композиция усадебного дома определялась нормами регулярного градостроительства, местоположением, функциональным использо-

²² См.: Объявление Конкурсного отделения по делам несостоятельного должника, бывшего елабужского купца В. В. Новикова // Камский литок объявлений. 1901. 19 авг.

ванием территорий, размером и конфигурацией земельного участка и ландшафтом местности. В том случае, если усадьба сочетала в себе жилую и торговую функции, на ее территории размещались лавки и магазины, склады и лабазы.

Во второй половине XIX в. усадебные строения становились все более разнообразными по назначению, значительное внимание стало уде-

ляться функциональной стороне построек, их комфортабельности, освещению и вентиляции. Особенности самосознания провинциальной деловой элиты реализовывались как в архитектурном облике зданий и структуре усадебного пространства, так и в интерьерах жилого дома, где стали применяться сложные инженерные конструкции и технические новинки.

Inga V. Maslova

Doctor of Historical Sciences, Yelabuga Institute, Kazan Federal University (Russia, Yelabuga)

E-mail: imaslovainga@gmail.com

MERCHANT ESTATES AS PART OF THE CULTURAL SPACE OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY PROVINCIAL TOWN

The article presents the results of studying urban estates of provincial merchants based on a field survey of the preserved buildings of Yelabuga and analysis of various sources. The estate form of development determined the type of urban space of Yelabuga from the beginning of the 19th century and to the 1917 revolutionary upheavals. According to their purpose, merchant estates can be divided into residential and commercial-industrial, which was in many ways typical of the trading cities of the Central Russian zone. The structure of a merchant estate included a residential building, courtyard with outbuildings (stables, sheds, a glacier and a barn), bathhouse, one or two outbuildings, and garden plot. Geographically, the estates occupied plots measuring 17–20 acres, located on the sides of longitudinal streets and extended into the depths of the block. After the 1850 great city fire, each estate was fenced on two (and in some cases three) sides with firewall walls. The front of the house with a gate overlooked the red line of the street. The composition of the manor house was determined by the norms of regular urban planning, location, functional use of the territories, size and configuration of the land plot, as well as a local landscape. In the second half of the 19th — early 20th centuries, when Yelabuga turned into a large commercial center, a new type of merchant estate, combining residential and trading functions, became widespread. On the estate territory, in addition to residential and commercial buildings, there were shops and stores, warehouses and storehouses. At the same time, the merchants began to pay considerable attention to the functional side of buildings, their convenience, comfort, lighting, and ventilation.

Keywords: *Yelabuga, 19th — early 20th centuries, city estate, merchants, entrepreneurship*

REFERENCES

- Domansky V. [Russian Tiles. National and European Traditions]. *Dekorativnoye iskusstvo* [Decorative Art], 2016, no. 1 (421), pp. 36–38. (in Russ.).
- Kuryleva N. [Karl Huhn and Vasily Vereshchagin in Yelabuga]. *Karl Gun. Khudozhnik i etnograf* [Karl Huhn. Painter and Ethnographer]. Yelabuga: Yelabuzhskiy gosudarstvennyy muzei-zapovednik Publ., 2023, pp. 191–200. (in Russ.).
- Letyagin L. N. [Russian Estate: World, Myth, Fate]. *Russkaya usad'ba: Sbornik Obshchestva izucheniya Russkoy usad'by* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Moscow: Zhiraf Publ., 1998, iss. 4 (20), pp. 253–259. (in Russ.).
- Lovell S. *Dachniki: istoriya letnego zhit'ya v Rossii, 1710–2000* [Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000]. Saint Petersburg: Akadem. proyekt Publ., 2008. (in Russ.).
- Nikulina E. G. [Development of the City Estate Concept as a Defining Type of Building in Moscow]. *Russkaya usad'ba: Sbornik Obshchestva izucheniya Russkoy usad'by* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Moscow: Voron Publ., 1997, iss. 3 (19), pp. 12–23. (in Russ.).
- Savinova E. N. *Sel'skiye usad'by moskovskikh predprinimateley. Konets XIX — nachalo XX v.* [Rural Estates of Moscow Entrepreneurs. Late 19th — Early 20th Century]. Moscow: Izd-vo gl. arkhiv. uprav. g. Moskvy Publ., 2008. (in Russ.).
- Vavilonskaya T. V., Karasev F. V. [Typology of the Historical City Estate on the Example of the City of Samara] *Vestnik SGASU. Gradostroitelstvo i arhitektura* [Vestnik SGASU. Town Planning and Architecture], 2014, no. 1 (14), pp. 24–30. DOI: 10.17673/Vestnik.2014.01.4 (in Russ.).

Для цитирования: Маслова И. В. Купеческие усадьбы как часть культурного пространства провинциального города XIX — начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 157–164. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-157-164.

For citation: Maslova I. V. Merchant Estates as Part of the Cultural Space of the 19th — Early 20th Century Provincial Town // Ural Historical Journal, 2024, no. 2(83), pp. 157–164. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-157-164.